

Е Жуй стоял рядом с Е Сюем, наблюдая, как Цзян Луюй спокойно и с достоинством отвечает. Его взгляд на мгновение остановился на лице единственного законнорожденного шуана князя Сяояо, разглядывая его в солнечном свете, где он выглядел как белоснежный лотос, тихо распускающийся. В его сердце что-то дрогнуло, и улыбка на его губах стала еще теплее.

— Цзян Луюй слишком скромн.

Услышав голос Е Жуя, Цзян Луюй понял, что тот разрешил это, и снова поклонился, затем, развернувшись, отряхнул свои белые одежды и с улыбкой направился к беседке, явно собираясь участвовать в соревновании.

Е Жуй смотрел на его стройную фигуру, его пальцы слегка дрогнули, а в глазах появилось восхищение. Но, повернувшись к Е Сюю, его лицо сразу же потемнело:

— Восьмой брат, ты заставил Цзян Луюя участвовать в соревновании своими словами, это опять твои шалости. Будь осторожен, вернувшись во дворец, я расскажу матери и наследному принцу о твоём недостойном поведении.

Е Сюю не ожидал, что наследник князя Сяояо действительно пойдет рисовать, и в его сердце возникло легкое чувство вины. Но, услышав упрек брата, он машинально возразил:

— Третий брат, зачем ты так серьезен? Я просто случайно проговорился, а ты уже воспринимаешь это всерьез.

Е Жуй с досадой покачал головой:

— Ты... Ты уже не ребенок, через два года тебе предстоит выйти замуж и стать внутренним господином. Как ты будешь справляться, если будешь так шалить?

— О чем ты говоришь, брат, я еще слишком мал, чтобы покидать дворец!

Услышав это, восьмой принц, переодетый в шуана, сразу же забыл о Цзян Луе, и в его голове осталась только головная боль. Он скрипя зубами пробормотал:

— Я останусь во дворце на всю жизнь, буду с братьями и матерью, разве это плохо?

Е Жуй снова был ошарашен его словами, и его хорошее настроение, вызванное встречей с Цзян Луем, тут же исчезло. Он указал на него складным веером и с раздражением сказал:

— Ты...

Независимо от того, спорили ли принцы в этот момент, Цзян Луюй уже сжал пальцы и с улыбкой вошел в беседку. Его взгляд скользнул по знакомым и незнакомым фигурам знати, склонившимся над своими работами, и, наконец, остановился на темной фигуре.

Цзян Луюй глубоко вдохнул, чувствуя, как его пальцы впиваются в ладонь, но на его губах постепенно появилась очаровательная улыбка. Его обычно бледное лицо покраснело, что сделало его и без того прекрасную внешность еще более сияющей. Молодой господин, стоящий рядом, одетый в роскошные одежды, взглянул на него, и его глаза прилипли к нему, не в силах оторваться.

Цзян Луюй не обратил на это внимания, лишь слегка смущенно улыбнулся и, повернувшись к молодому господину, который уже застыл, глядя на него, спросил:

— Скажите, пожалуйста, есть ли здесь большая доска?

Примерно через полчаски чая Е Жуй и Е Сюй, стоящие неподалеку от беседки, временно прекратили спор. Е Жуй с хмурым лицом несколько раз хлопнул складным веером по ладони, с досадой посмотрел на Е Сюя, который делал вид, что невиновен, и смотрел на него большими глазами, и на его губах появилась легкая улыбка.

Когда между ними наконец наступила тишина, они сразу же услышали, как из беседки доносятся звуки спора. Е Жуй поднял бровь, и, хотя ему было любопытно, он знал, что рядом с ним находится шуан-проказник, и поэтому не мог просто пойти туда. Он повернулся к стоящему рядом стражнику и тихо приказал ему пойти в беседку и узнать, что происходит.

Стражник быстро вернулся и, опустив голову, доложил Е Жую:

— Ваше Высочество, там Цзян Луюй рисует, и это вызвало спор среди молодых господ.

— Рисует?

Е Жуй нахмурился, его взгляд переместился на беседку, но, прежде чем он успел что-то сказать, Е Сюй, стоящий рядом, с любопытством спросил:

— Что он нарисовал, что вызвало спор?

Е Жуй только что долго ругал его и был раздражен своим братом-шуаном, поэтому сразу же нахмурился и тихо сказал:

— Ты все еще любопытен? Тебе мало тех проблем, которые ты уже создал?

Е Сюй, услышав, что его, похоже, не пустят, сразу же отпрыгнул в сторону и, нахмурившись, громко возразил:

— Братец!

Е Жуй, не доверяя ему, махнул рукой, чтобы стражники остановили его, и сам направился к беседке, оставив лишь легкий отголосок:

— Останься здесь один, не создавай больше проблем. Когда я вернусь, мы сразу же отправимся во дворец!

— Братец, ты...

Е Сюй смотрел, как он уходит, широко раскрыв глаза, и закричал на стражников, стоящих перед ним:

— Нет, я обязательно пойду!

Стражники, стоящие перед ним, были в затруднении, но, видя его настойчивость, еще больше растерялись:

— Восьмой принц...

— Я просто иду за братом, а не собираюсь создавать проблемы. Братец неправильно понял, расступитесь!

Не успел он закончить, как его ледяно-голубой рукав взметнулся в воздухе, и он, извиваясь, быстро проскользнул мимо стражников, пробиваясь через толпу, и вскоре оказался рядом с Е Жуюем, который стоял неподалеку от Цзян Луюя.

Едва добравшись до Е Жуя, он, не успев перевести дух, взглянул на картину перед Цзян Луем. Она была выполнена только в черно-белых тонах, и густые мазки туши создавали ощущение черных туч, нависших над городом. Но, когда Цзян Луюй медленно отступил на несколько шагов, стало видно, как под этими тучами извиваются искаженные лица!

Е Сюй, увидев эти крайне искаженные и злобные лица, некоторое время молчал, а затем наконец пробормотал:

— Что это за картина...

Е Жуй, услышав его голос, снова сердито посмотрел на него, а затем перевел взгляд на Цзян Луюя и его картину, и его взгляд стал сложным:

— Эта картина...

Они только что остановились, как человек, рисующий картину, обернулся. В его чернильнице еще колебалась густая тушь, но кисть в его руке держалась крепко. Улыбка на его губах не исчезла, но в его темных глазах не было веселья, и он сказал:

— Ваши Высочества, отойдите немного назад. Я собираюсь разбрызгать тушь.

Е Сюй, который все время настаивал, чтобы он рисовал, хотел увидеть его позор. Но сейчас, когда картина была почти завершена, он, казалось, не должен был ничего говорить. Однако, увидев эту картину, он не смог сдержаться и спросил:

— Ты... Что это за картина? Почему ничего не видно... Но как...

Хотя на картине сейчас ничего не было видно, если присмотреться, можно было почувствовать, как от нее исходит ощущение жестокости, печали и ненависти. Даже сейчас, днем, по спине пробежал холодок, и даже смелый восьмой принц невольно отступил на два шага, пробормотав:

— Что это?

Цзян Луюй, услышав это, ничего не сказал, лишь слегка улыбнулся, его глаза, освещенные золотым солнечным светом, выглядели как у Бодхисаттвы, спасающего всех, что заставило окружающих замереть.

— Хотя Ваше Высочество спрашивает, я еще не закончил эту картину и не могу рассказать о ней. Подождите, пока я закончу, и тогда вы сами все увидите.

Е Жуй кивнул и, взяв с собой брата-шуана с загадочным выражением лица, отступил на несколько шагов. Они медленно вышли из беседки, оставив Цзян Луюя одного перед его картиной. Не успели они отойти далеко, как увидели приближающуюся знакомую темную фигуру и одновременно подняли взгляды на подошедшего.

Опять настал день для обновления в три тысячи слов. Что-то добавления в закладки совсем вяли, вы даже десяти мне не даете, неужели я пишу всё хуже и хуже? [Плачет] Дорога расправы с подлецами и стервами долга, без закладок далеко не уйдёшь [Упирается].

<http://bllate.org/book/17692/1651008>